

ЛЕМАН В. П.

НОВОЕ В ИНДОЕВРОПЕИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ*

1. Текущие задачи.

Цель индоевропеистических исследований на современном этапе заключается в установлении основных характеристик тех человеческих сообществ, которые являлись носителями праиндоевропейского языка, а также в описании диалектных групп этого языка на этапе их ранней истории, равно как и их культур. Именно такая постановка вопроса находит поддержку в названии важного труда Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова [1]. В отличие от своих знаменитых предшественников К. Бругмана [2] и Г. Хирта [3] авторы не включили в название своей книги слова «грамматика». Кроме того, и в более поздних работах, например, в книге Дж. Мэллори [4], основное внимание уделяется именно носителям языка, их обществу и культуре. Действительно, наблюдается столь резкое изменение акцента в направлении исследований, что язык оказался в некотором забвении. Дж. Мэллори и К. Ренфрю [5] избегают использовать диакритику, столь важную для описания многих языков (например, санскрита), на том основании, что это может доставить неудобство читателям. Кроме того, подобно многим археологам, они ограничивают свои лингвистические выводы, если не считать некоторых фонологических выкладок, исключительно лексическими свидетельствами, игнорируя важные факты морфологии и синтаксиса (а при этом исключаются те лексические данные, которые не являются очевидными). По-видимому, настало время исследовать праиндоевропейский язык в тесной связи с сообществом его носителей, подобно тому, как это делается в отношении языков, засвидетельствованных письменными памятниками (санскрит, гомеровский греческий и латинский).

Мы вовсе не призываем вернуться к практике ранних грамматик с их почти полной концентрацией на языке. Пожалуй, ближе всего к целям современных исследований стоит «Введение» А. Мейе, в котором настойчиво проводится мысль, что язык существует только благодаря использованию его определенной социальной группой [6, с. 18]. И тем не менее, большая часть книги Мейе посвящена структуре языка; информация о народах и их культуре содержится лишь в небольшой главе, где рассматривается скорее лексикон, а не общество и его культура [6, с. 378—417]. Гамкрелидзе и Иванов более всех близки к осуществлению современных целей компаративистики, поскольку почти половина их труда посвящена анализу словаря и тем выводам, которые, исходя из такого анализа, можно сделать в отношении ранних культур [1, с. 457—855]. Но даже и здесь рассмотрение связи общества и культуры дается во второй части работы, в результате чего создается впечатление, что в дополнение к фо-

* © *Lehmann W. P. The current thrust of Indo-European studies // General linguistics. 1990. V. 30. № 1.*

нологии, морфологии и синтаксису специального анализа и объяснения требует и лексикон, сохраняющий сведения о культуре прошлого. Все это означает, что будущие стандартные руководства должны описывать прежде всего человеческие сообщества и их культуру, включая в систему анализа и языки.

Поскольку мы принимаем положение Мейе, согласно которому язык существует только благодаря его использованию определенным сообществом и сами человеческие сообщества не могут существовать без данного языка, можно утверждать, что те грамматики индоевропейского или любого иного праязыка, которые ограничены исключительно описанием языков, содержат всего лишь часть информации, необходимой для понимания этих языков [6, с. 18]. Следуя афоризму Мейе («Я з ы к существует только благодаря о б щ е с т в у, а человеческое общество не смогло бы существовать без речи»), парафразированному выше, можно утверждать, что будущие грамматики должны основываться на описании языка в рамках культур его носителей.

Описание древних языков в контексте культуры их носителей не является чем-либо абсолютно новым; такой подход возвращает нас к практике исследования языка в широком гуманитарном плане, который ранее связывали с понятием филологии. Такой подход был вполне обычным до эпохи специализации и фрагментации науки, начавшейся примерно в 1870 г. Как показал К. Р. Янковский, основоположник младограмматизма Г. Курциус полагал, что «задача филологии ... состоит в изучении того, что есть человек, на основе исследования того, чем он когда-то был». Следовавшая этой же цели «История немецкого языка» Я. Гримма может удивить современных читателей широтой охвата проблем — от обсуждения социальных институтов (сельское хозяйство, обычаи, племенные группировки) и литературы носителей языка до анализа их языков. Не приходится сомневаться, что Гримм делал свои выводы главным образом на основе изучения древних языков, поскольку эти данные о народах — носителях этих языков — обеспечивали его более живыми свидетельствами (*ein lebendigeres Zeugnis*), чем кости, оружие или могилы [7, с. 4]; из древних могил даже Гримм мог извлечь лишь слабый шепот (*schallt uns nur leises Getöse*) [7, с. 553].

С конца XIX в. группа энергичных ученых занялась исследованием этого «шепота», что дало возможность получить обширную и детальную информацию, на основании которой были сформулированы многие обобщения и выводы в отношении древних культур [8—10]. Эти палеонтологические публикации в то же время ясно продемонстрировали ограниченность имеющихся на тот период данных. Для того, чтобы заполнить пробелы, некоторые ученые стали предлагать объяснения, которые являлись плодом их собственного воображения или, что еще хуже, их идеологии. Надежность лингвистической палеонтологии в связи с этим сильно пошатнулась.

В последние годы прогресс в технике археологических исследований, а также новые открытия позволили получить гораздо более полную информацию, чем та, которая была доступна в XIX в.; результаты, достигнутые в палеонауках — ботанике, биологии, металлоанализе и т. д., — хлынули столь обильным потоком, что его стало довольно трудно координировать. В результате «слабый шепот» времен Гримма превратился в громкий гомон. Объем информации настолько возрос, что специалисты в области палеонаук и палеотехнологии вполне могут заниматься своими исследованиями и публиковать их результаты, не уделяя должного вни-

мания языковым данным. Тем не менее, в духе сформулированной Курциусом задачи необходимо возобновить сотрудничество разных наук с тем, чтобы выработать реалистические представления как о языках, так и о пользующихся ими народах, их культурах и достижениях.

К счастью, работе в данном направлении уже положено начало, например, на конференции в Пеннсильванском университете в 1966 г. [11], а также в исследованиях, проводимых членами Индоевропейского общества (*Indogermanische Gesellschaft*) [12]. Сейчас явно наступило время обстоятельным образом суммировать наши представления о древних языках и адекватно представить их в контексте сообществ и культур, в которых они функционировали.

Наиболее существенным с этой точки зрения является определение локализации или, вернее, локализаций праязыка и установление хронологических рамок последнего, поскольку предполагаемые районы таких локализаций во многом соотносимы с особенностями культуры общественной жизни древних носителей языка.

Традиционным термином, используемым для обозначения любой из определяемых таким образом локализаций, является «прародина» (англ. «homeland» или просто «home») индоевропейцев. Большой интерес, вызываемый проблемой определения подобных прародин, становится очевидным в свете появившегося в последнее время значительного числа публикаций археологов — достаточно назвать филадельфийскую конференцию 1966 г. и последующие публикации таких видных археологов, как И. М. Дьяконов, М. Гимбутас, Дж. Мэллори, К. Ренфрю, Г. Томас и др. Значительная часть данной работы, отражая существующую литературу, будет посвящена рассмотрению гипотез, затрагивающих проблемы локализации прародин; в необходимых случаях мы будем обращаться к лингвистическим свидетельствам; при этом лексическим данным будет уделяться минимум внимания, поскольку они являлись объектом довольно интенсивного обсуждения. Кроме того, учитывая, что археологи ограничивают свои рассуждения главным образом анализом лексики, обсуждению проблемы прародины мы предпосылаем краткое изложение выводов, вытекающих из изучения других областей структуры языка.

2. Прогресс в понимании языковых данных.

Помимо более полной информации о носителях языка, полученной благодаря исследованиям археологов и дополняющей сведения, содержащиеся в текстах и словаре, мы имеем сейчас и более широкое представление о структуре языка по сравнению с тем, которым располагали лингвисты прошлого столетия.

2.1. Определение характеристических типов языка. Изучение большого числа языков в содержательном аспекте позволило прийти к выводу, что тот или иной язык может быть структурирован в соответствии с одним из трех основных типов: **а к к у з а т и в н ы м**, **э р г а т и в н ы м** и **с т а т и в н ы м** (существует возможность выделения и более мелких подтипов).

Как указывали Гамкрелидзе и Иванов, аккузативный и эргативный являются разновидностями одного типа, противопоставленного стативному. Подобно, к примеру, английскому языку, аккузативные языки имеют характерную форму объекта непереходного глагола, типа *him* в *She sees him* «Она его видит»; они используют ту же форму в роли субъекта переходного и непереходного глаголов, как в англ. *She goes* «Она идет». Эргативные языки обладают лишь небольшими отличиями, выражаемыми в том, что они имеют иную форму для субъекта переходного гла-

гола, одновременно используя форму объекта также в качестве субъекта непереходного глагола; на эргативном языке можно сказать *She sees him; Her goes*. В отличие от языков аккузативного/эргативного типов стативные языки строятся главным образом на выделении понятий, выражающих состояние (ср., например, существительные, обозначающие покой или счастье, и глаголы, обозначающие существование или благосостояние); с другой стороны, в этих языках выделяются существительные, обозначающие различные виды деятельности (например, течение, копание и т. п.), и глаголы типа *бежать* или *обсуждать*, причем многие из выделяемых в этих языках глаголов являются волиативными. Эти типы — аккузативно-эргативный vs. активный — различаются прежде всего в способе выражения содержания, особенно средствами морфологии, хотя с ними тесно связаны и некоторые синтаксические и лексические особенности.

Заслуживает внимания и другая важная черта языковой структуры — связь элементов в конструкциях. Характерная маркировка взаимных отношений (например, глаголов с существительными или же генитива с существительными) является заданной, так что имеется возможность различать языки с маркировкой главного члена (например, семитские языки, ср. др.-евр. *pānē hā 'āretz* «поверхность земли» с модификацией *pānīm* «лицо; поверхность») и языки с маркировкой зависимого члена (например, индоевропейские языки, ср. англ. *Jane's son, son of Jane* «сын Джейн»). Эти два типа отношений частично взаимосвязаны; Дж. Николс [13] даже делает вывод, что стативные языки должны быть причислены к числу языков с маркировкой главного члена, поскольку в этих языках глаголы в качестве такого члена предложения обладают гораздо большей флектированностью, чем существительные. Симптоматичным также является отсутствие в стативных языках генитивов.

Другую существенную основу для классификации можно найти в синтаксисе, особенно в порядке основных составляющих предложения, или, если следовать широко употребительному термину, в аранжировке. Под аранжировкой понимается прежде всего место глагола и его объекта в предложении; так, английский является языком с порядком «глагол—объект» (VO), тогда как в японском представлен порядок «объект—глагол» (OV). Например, япон. *Hanako ga Saburoo o mimasu* соответствует англ. *Hanako sees Saburoo* «Ханако видит Сабуроо». И здесь мы встречаемся с корреляциями, обусловленными упомянутыми выше различиями, хотя наибольший интерес представляют те из них, которые обнаруживаются во внутрисинтаксических моделях управления и модификации, а также в способах аффиксации флексий. В качестве примера управления можно указать на то, что языки с порядком VO используют предлоги, тогда как OV-языки имеют послелоги; модификацию иллюстрирует следующий пример: в языках с порядком OV относительные конструкции предшествуют главным членам, но в языках с порядком VO следуют за ними. В языках с порядком VSO флексия в большой мере носит префигированный характер, тогда как в языках с порядком OV — суффиксированный. С точки зрения аранжировки эргативные языки являются типичными представителями языков с порядком OV.

Информация по всем трем указанным выше основаниям, используемым для типологической классификации, в последнее время в значительной степени расширена, в частности, благодаря работам Г. А. Климова [14, 15].

2.2. Выводы, основанные на исследовании специфических типов. Сведения о подобных системных моделях особенно полезны тогда, когда корпус данных о том или ином языке ограничен. Если в этом корпусе имеются примеры таких специфических конструкций, как компаративы неравенства, то мы можем высказывать предположения относительно других характеристик, таких, например, как использование префиксов или суффиксов в словоизменении или локализация «прилогов» (adpositions), либо позиция именных модификаторов, таких, как относительные конструкции. Сходным образом, если мы обнаружим именную фразу, в которой маркированным является главный член, то следует ожидать, что выявятся и такие характеристики, как бедность именных флексий по сравнению с богатством глагольных. И если мы определим характерные черты стативных языков, такие, как, например, различные флексии активных и стативных глаголов, то мы можем, исходя из этого, сделать ряд выводов, в частности, что в стативных языках глагол в значении «иметь» отсутствует. Таким образом, открывается возможность высказывать предположения относительно структуры данного языка, исходя из известных нам отдельных его характеристик.

Мы выдвигаем такие гипотезы на основе положения, согласно которому каждый язык функционирует в рамках какой-либо социальной группы, сохраняющей известную когерентность своей структуры в целях свободного общения между отдельными членами этой группы: речь идет о большой социальной группе для мировых языков современности и относительно малых группах, нередко насчитывающих несколько тысяч или даже менее носителей для языков прошлого. Каким бы ни было число носителей языка, ни один язык не является абсолютно гомогенным или статичным. Каждый язык, несомненно, имеет постоянное (хотя и незначительно изменяющееся) общее ядро, которое обеспечивает всем членам данной социальной группы возможность общения. Однако более мелкие единицы этой социальной группы, такие, как семья или отдельная личность, обладают особыми, характерными только для них чертами. Эти особенные характеристики, обусловленные либо профессией, либо принадлежностью к тому или иному социальному слою, либо же полом, возрастом индивидуумов, их личностными особенностями или какими-нибудь иными социально обусловленными чертами, приводят к тому, что в результате любой язык находится в динамическом, а не в статическом состоянии; не является язык и системой, полностью укладывающейся в рамки какого-либо одного структурного типа. Изучая отклонения от стандарта, — они могут касаться активного строя, маркировки главного члена, структур OV или же альтернирующих форм — мы можем высказывать предположения об особенностях процесса развития данного языка.

В этой связи полезно напомнить, что в лингвистике такая процедура всегда являлась одной из наиболее продуктивных и результативных. Так, исследования Я. Гриммом стандартной структуры германской консонантной системы выявили в ней некоторые отклонения. Эти отклонения были предметом изучения в течение следующей половины прошлого столетия. Разрешение этого вопроса такими лингвистами, как фон Раумер, Грассман и Вернер, превратило лингвистику в точную дисциплину или науку в европейском понимании этого термина (с критическим обзором этого периода можно ознакомиться в издании английских переводов соответствующих работ [16]). Данный результат не является чем-либо примечательным, поскольку он всего-навсего констатирует силу научного метода. С помощью этого метода формулируются обобщения, в которых

могут не учитываться некоторые выпадающие из общей системы факты. Тщательное изучение таких фактов приводит, в полном соответствии с целями научного поиска, к более точным формулировкам и выводам.

При всем различии объектов изучения процедуры гуманитарного исследования являются более сложными в сравнении с процедурами исследования физических явлений. И все же эти процедуры сопоставимы. Законы выводятся из наблюдений над относительно очевидными фактами. Создавая таблицу элементов, сгруппированных на основе своих атомных весов, химики не стремились сразу полностью осмыслить редкоземельные вещества, а также такие элементы, как водород и кислород; только по истечении определенного периода времени они открыли изотопы подобных элементов, что привело не к отказу от всей таблицы, а лишь к ее расширению. Многие же лингвисты, как это ни странно, напротив, стремятся объять все языковые явления путем построения структурной схемы или таблицы, игнорируя тот очевидный факт, что эти явления неизмеримо более сложны, чем те, которые исследует физическая наука. В результате такие лингвисты ограничивают себя тривиальными комментариями относительно той или иной проблемы. И тем не менее, если мы будем предьявлять к процедурам, с помощью которых изучаются языковые явления, такие же строгие требования, которые присущи физике, исследующей физические явления (следуя в этом за Гриммом и многими его верными последователями), мы можем с полным основанием формулировать определенные обобщения; впоследствии эти обобщения и выводы, по мере накопления дополнительных данных, будут при необходимости уточняться. Эпоха веры в идеальный язык, в идеального носителя или идеальное сообщество носителей языка отошла в прошлое.

Подобно тому, как обобщения в области естественных наук основывались на базе определенной системы данных, обобщения в области лингвистики могут быть выведены посредством изучения системных явлений, присущих тем или иным языкам. Исходя из этого, можно ожидать обнаружения системных языковых явлений, характерных для соответствующих социальных группировок. Примечательным примером подобного соотношения может явиться общество, объединяемое использованием японского языка, либо общество носителей арабского языка времен Магомета. Противоположные примеры можно найти в обществах, пользующихся немецким или русским языком. В соответствии с этим мы можем использовать языки типа японского или классического арабского для построения нашей «таблицы лингвистических элементов», сблизив, таким образом, одну из лингвистических процедур со столь фундаментальной и плодотворной процедурой в химии.

Применяя подобные процедуры исследования, мы соотносим полученные таким образом результаты со вновь получаемой информацией относительно древних обществ. Такая информация, полученная частично благодаря археологическим исследованиям, свидетельствует о том, что социальные группы, существовавшие за тысячелетия до нашей эры, вовсе не были замкнуты или изолированы от внешнего мира. Находки останков корабля в Уле Бурун свидетельствуют о контактах между «семью цивилизациями эпохи поздней бронзы» [17]. Связанные с прибрежной торговлей купцы, как и моряки, не могли избежать контактов с подобными цивилизациями или влияния с их стороны. Даже древние евреи, с их строгими социальными канонами, как зафиксировано в их преданиях, допускали браки вне своего сообщества, обеспечивая тем самым возможность внешних культурных и языковых влияний. На основе подобных примеров

можно сделать вывод, что и в прошлом, и в настоящем языки функционировали в условиях, способствовавших появлению в них изменений, приводящих к возникновению нерегулярностей. Однако в небольшом сообществе языковые черты, независимо от присущей им стабильности или изменчивости, имеют тенденцию к параллелизму и к сохранению своего специфического типа.

2.3. Выводы, основанные на результатах ареальных исследований. Информация, полученная с помощью ареальной лингвистики, вполне применима и в области исследования моделей языков прошлого. Надежные процедуры выработаны в ареальной лингвистике сравнительно недавно: вначале они были продемонстрированы К. Сандфельдом для языков, распространенных на территории Балкан [18], а затем детально разработаны такими учеными, как М. Эмено [19] и др. Как показал Сандфельд, лингвистические черты могут пересекать языковые границы, распространяться по языкам различных подгрупп и даже различных семей, как это видно на примере сербскохорватского, греческого и албанского на Балканах и соседнего с ними турецкого языка. Способы передачи языковых черт сопоставили с изучаемыми в этнологии процессами расселения народов. В результате действия различных социальных факторов территориально соседние группы языков «заимствуют» определенные языковые черты, если пользоваться термином, который ранее применялся в лингвистике при изучении диффузии материальных единиц языков. Несмотря на то, что первоначально основное внимание уделялось диффузии лексических единиц, Сандфельд показал, что она распространяется также и на синтаксические, морфологические и фонологические характеристики.

Выявляя общие черты в более поздних языках, мы используем их для получения информации и об ареальных группировках в доисторические периоды. К примеру, Дж. Николс отметила, что языки Ближнего Востока обладают категорией грамматического рода и что эта черта, по-видимому, распространилась путем диффузии из доминантного центра. Другим примером служат числовые классификаторы в языках Дальнего Востока; из доступных нам текстов становится совершенно ясно, что японский язык усвоил применение системы классификаторов из соседних языков, возможно, из китайского.

Тем не менее отличить лингвистические черты, исконно присущие данному языку, от тех, что были усвоены из других языков, бывает порой довольно сложно. Классическим примером может служить случай, когда Мейе и его ученик Бенвенист разошлись во мнениях относительно появления сложных времен в языках Северной Европы. Мейе приписывал возникновение сложных времен в германском влиянию романских языков, в конечном счете латинского. Бенвенист же, напротив, полагал в данном случае независимое развитие на собственной почве [20, с. 178—179]. Хотя факты, на мой взгляд, свидетельствуют в пользу Бенвениста, сама возможность такого резкого расхождения во мнениях между двумя выдающимися лингвистами иллюстрирует те трудности, которые могут возникнуть при изучении эволюции языковых элементов, независимо от того, происходит ли она в настоящем, недавнем прошлом или же в отдаленном прошлом.

Характерно, что вопрос о внешних влияниях ныне становится весьма актуальным при интерпретации этнографических черт, связанных с распространением индоевропейских языков. Ренфрю, поддерживаемый Дьяконовым и другими учеными, настаивает на том, что появление новшеств

в сельском хозяйстве связано с диффузией, которую он ассоциирует с распространением индоевропейских языков. В отличие от высказываемых рядом ученых мнений о широкомасштабном передвижении он предполагает «волны продвижений» как в отношении культурных достижений, так и языков. Гимбутас и другие ученые, напротив, объясняют появление новых культурных и этнографических характеристик, присущих Европе в период с V тыс. и позже, массовыми перемещениями народов. Согласно Гимбутас и ее сторонникам, эти характеристики, равно как и языки, были привнесены в результате нашествия народов, говорящих на индоевропейских языках.

В качестве другого примера различной интерпретации языковых данных можно указать на то, что Дьяконов усматривает в изоморфизме структуры корня и словообразования в пракартвельском и прединдоевропейском факт их внутреннего развития, заключая, что эти два праязыка родственны между собой [21, с. 32], тогда как Гамкрелидзе и Иванов объясняют это диффузией.

Таким образом, увеличение знаний о результатах ареальных взаимодействий расширило наши представления о возможных источниках инноваций и появлении общих языковых черт; это привело как к признанию возможности вариантной интерпретации, так и к большей осторожности при выдвижении тех или иных объяснений. Ранее наличие в языке тех или иных специфических черт обычно объяснялось как результат генетического наследования из более раннего состояния. Поэтому может возникнуть необходимость реинтерпретации некоторых прежних формулировок; что же касается различных новых мнений, предлагаемых для объяснения тех или иных явлений, то они должны быть оценены с точки зрения силы их аргументации.

2.4. Опора на сравнительный метод и на метод внутренней реконструкции при историческом исследовании языка. Несмотря на то, что мы столь подробно остановились на оценке накопленной в нынешнем столетии обширной информации, которая была получена на основе типологии и лингвистической географии, центральными в исторической лингвистике по-прежнему остаются два метода, разработанные и неоднократно проверенные в XIX в., а именно, сравнительный метод (СМ) и метод внутренней реконструкции (ВР). Каждый из этих методов был установлен путем наблюдения за основными процессами, протекающими в языке: СМ основывается на открытии, что независимое изменение может иметь место в независимых диалектах; например, срединное *-s-* не было утрачено в латинском, подобно тому, как это произошло в греческом: ср. греч. *généos* при лат. *generis*. ВР основывается на подобном же факте: независимое изменение может иметь место в независимых морфологических единицах с элементом *-e/os-* в различных фонологических окружениях. Например, финальный *-s* в неизменном виде сохранился в номинативе/аккузативе в латинском *genus*, тогда как в срединной позиции в генитиве произошел переход *-s-* в *-r-* (ср. выше). Каждый из этих методов был неоднократно проверен, в результате чего был сделан вывод о его полной достоверности. Представляется совершенно излишним приводить примеры споров относительно достоинств указанных методов (ср., например, возражения Мейе [22] и Хёнигсвальда [23]). Проблемы или ошибки, возникающие при применении данных методов, проистекают только от неправильного их использования. Лингвисты (например, Шмидт [24] и Гамкрелидзе) затратили немало усилий для того, чтобы доказать, что типология пригодна только для проверки выводов, сделанных на основе

этих методов.

В этом плане Дьяконов и другие ученые указывали, что эти методы следует применять с осторожностью. Наиболее серьезные проблемы в этой связи коренятся либо в имеющейся в распоряжении ученых неадекватной информации, либо же в избыточном доверии к методике при отсутствии скрупулезного изучения имеющихся данных. Так, например, Дьяконов цитирует название моря в латинском (*mare*), немецком (*Meer*) и славянском (*more*) для того, чтобы показать, что эти слова, принадлежащие территориально близким диалектам, не дают достаточных оснований для реконструкции их прединдоевропейского этимона [25, с. 80]. Верно излагая эту проблему в своей превосходной рецензии работы Ренфрю [25, с. 79—81], он привлекает указанные обозначения моря в качестве иллюстрации подстерегающей исследователя опасности, поэтически названной им «сиреной фонетического сходства» (*die Sirene des Gleichklangs*). Тем не менее, и сам он стал жертвой этой опасности, не заметив замечательного анализа Шарфе слов, обозначающих царя в индоевропейских языках [26].

Убедительная статья Г. Шарфе исключительно важна как в качестве иллюстрации необходимости скрупулезного изучения фактов, так и с точки зрения высказываемых в ней предположений, относящихся к социальной структуре индоевропейского общества. В связи с этим мы несколько подробнее остановимся на ней. Рассмотрев соответствующие места в «Ригведе», автор заключает, что «ведическое *rāj-* „царь“ является словом-призраком» [26, с. 546]. Из приводимых далее отрывков из «Ригведы» становится ясным, что вед. *rāj-* является существительным женского рода со значением «сила, мощь». Такой вывод вызывает необходимость объяснения использования данного слова в значении «царь». Шарфе трактует его в качестве обратного образования (*back-formation*) из сложных слов типа скр. *eka-rāj* «правящий единолично = единственный правитель» и галльского (*Ver*)-*cingeto-rix*, предположительно «верховный-воин-правящий /над/ = главный правитель над войнами». Короче говоря, в индоевропейском отсутствовало слово в значении «царь»; отсутствуют также и какие-либо свидетельства в пользу реконструкции индоевропейского этимона для подобного социального ранга. Используя убедительные археологические данные, Р. М. Роулетт в своей актуальной статье приписывает соответствующему рангу именно значение «вождь племени» [27].

Не продолжая далее цитирования лексических данных, я вкратце отмечу примеры, иллюстрирующие опасность встречи с роковой «сиреной» на других языковых уровнях. Среди морфологических категорий встречается довольно много случаев тематических форм, которые следует рассматривать с известной осторожностью, поскольку на первый взгляд они представляют собой ситуации, когда необходимо применение СМ (ср. существительные, обсуждавшиеся Бругманом [2, с. 153 и сл.], или глаголы типа скр. *védmi*, церк.-слав. *veti*, литов. *vėizdmi* < **veidmi* «я знаю»). На основе других форм, производных от этого корня, выводов, вытекающих из изучения текстов и из значений других форм указанного корня, обычно заключают, что эти примеры представляют собой дериваты, которые были оформлены в отдельных диалектах благодаря чрезвычайно продуктивной тематической флексии. Такие формы, подобно многим другим тематическим существительным и глаголам, соответственно признаются в качестве индоевропейского наследия.

Не меньшая тщательность необходима и при исследовании деривации. Так, для праиндоевропейского состояния обычно реконструируется компаративный суф. *-tero-*. Однако основания для такой его реконструкции можно обнаружить лишь в греческом и индоиранском, причем даже в этих диалектах трактовка этого суффикса неоднозначна [2, с. 654—656]. Данные анатолийских языков, а также необходимость соотнесения этих данных с ситуацией в других индоевропейских диалектах, использующих иные суффиксы, напротив, свидетельствуют, что для праиндоевропейского уровня не следует восстанавливать морфологическое выражение компаратива. Этот вывод согласуется с тем, что нам известно о выражении компаративных отношений в ОV-языках.

Часто встречается «сирена» и на уровне словосочетания: ученые, которые отрицают возможность реконструкции моделей предложения, тем не менее настаивают на возможности установления устойчивых словосочетаний. Наиболее известным примером является оборот *неуязвимая слава*, который приводит Кун во втором томе основанного им журнала [28, с. 467]. Этому словосочетанию уделили внимание многие индоеврописты (ср. особенно [29]). Цитируя встречающееся в Ригведе [29, с. 1] *áksiti śrávaḥ* resp. *śrávo ... áksitam* и греч. (гомер.) *kléos áphthiton*, Р. Шмитт тем не менее вслед за другими учеными реконструирует и.-е. **k'léus-^hndhg^h-hito-* [29, с. 66]. Однако хорошо известно, что прилагательные на *o*-основу, как и существительные на ту же основу, являются поздними по происхождению: лишь впоследствии они широко распространились в индоевропейских диалектах. Как свидетельствуют цитируемые Шмиттом формы прилагательных на *o*-основу, в Ригведе не встречается словосочетаний с тематическим прилагательным в позиции после существительного, за исключением конструкций с предикативным прилагательным. Кроме того, в языках с порядком ОV описательные прилагательные чаще предшествуют существительным, а не следуют за ними. Короче говоря, постулируемые Шмиттом и другими учеными фразеологизмы реконструируются без учета необходимых морфологических и синтаксических фактов. Наконец, вызывает сомнение и обоснованность привлечения при реконструкции праиндоевропейских форм данных эпической поэзии, представленных в поздно зафиксированных диалектах, например, германских, относящихся к VIII в. Благодаря прогрессу в области лингвистических исследований за последние полвека мы все больше приходим к осознанию факта значительного влияния на греческий средиземноморской литературной традиции, не в последней степени на его эпическую поэзию. Поскольку, как полагает О. Семереньи, и индийский не избежал семитского влияния, то можно утверждать, что влияние может испытывать и устная поэтическая традиция. А поэтическая отрывки, реконструированные Уоткинсом, как бы они ни были эффектны, не выходят за пределы средиземноморской традиции [30]. Если все же восстанавливать для праиндоевропейского реконструированное Куном словосочетание, то оно не должно содержать *o*-основу и прилагательное в нем не должно следовать за существительным.

В заключение необходимо сказать, что формы, устанавливаемые в результате научного исследования, как посредством синхронного (дескриптивного), так и исторического (диахронического) метода, являются по существу абстракциями. Приводя формулы, ученые в таких традиционных областях науки, как химия, не иллюстрируют их тут же примерами, — скажем, колбой с окисью углерода для иллюстрации вещества, представленного формулой CO. В более молодой науке, лингвистике, обычно счи-

тается необходимым приводить такие иллюстрации для лучшего понимания излагаемого; ср., однако, убеждение В. Дресслера в необходимости реконструкции языка в смысле *langue* [31, с. 5—6]. Более всего удивляет неодинаковый у различных ученых диапазон ограничений рамок исследования, что демонстрирует и приведенное выше обсуждение фразеологических оборотов. Некоторые считают фонологические формулы страшными, хотя и принимают основные принципы их построения [32]. Другие возражают против грамматических (особенно — синтаксических) формул. А некоторые, как, например, нынешние члены Берлинской школы, говорят, что только «твердая почва» является основным условием построения языковых формул. Вряд ли необходимо указывать, что подобные произвольные самоограничения сужают выводы ученого.

2.5. Методы, основанные на описанных выше уточнениях. Как отмечено выше, лингвистика, подобно любой другой науке — естественной или гуманитарной, — вырабатывает те или иные обобщения. После того, как накоплено достаточное число подобных обобщений, предлагаются определенные модели и теории. В этом отношении поучителен процесс развития лингвистики в первой половине XIX в. Во втором издании своего посвященного фонологии тома германской грамматики Я. Гримм, вдохновленный идеями Р. Раска, выдвинул положения, касающиеся соотношения между шумными в германском и, с другой стороны, в греческом, латинском и санскрите, прослеживая также историю развития шумных в древневерхненемецком. Эти положения Гримм назвал правилами. Затем он разработал модель, описывающую соотношения шумных в германских языках, используя абстрактные символы М, А, Т для обозначения трех серий шумных. Согласно этой схеме, соотношения шумных внутри германского и впоследствии внутри древневерхненемецкого являлись результатом определенных звуковых изменений.

Модель Гримма подверглась дальнейшему уточнению, в частности, в работах фон Раумера, Лоттнера, Грассмана и Вернера. После этого лингвисты выдвинули теорию передвижения согласных, разработав одновременно с этим общие принципы звуковых изменений в языке. Данная модель, как и выдвинутые теории и принципы, подверглись дальнейшим уточнениям в результате отбраковки некоторых неверных представлений. К примеру, звуковые изменения в настоящее время более точно определяются в качестве фонологических изменений. Тем не менее ранняя формулировка правила, широко известного как закон Гримма, концентрирует в себе большую часть информации и является удобной для простого и ясного изложения соответствующего явления, особенно для неспециалистов.

Какой бы ни была нынешняя интерпретация индоевропейских шумных и их эволюции в различных диалектах, работы Гримма привели к скрупулезному исследованию фонологического компонента языка. Следствием этого явилась разработка фонологической модели, принимаемой ныне всеми лингвистами; модель эта классифицирует фонологические единицы посредством артикуляторных либо акустических критериев. В наше время работа лингвиста была бы в значительной мере затруднена, если бы ему пришлось иметь дело с изложением фонологической системы, построенным в соответствии с порядком латинского алфавита.

Лингвистические модели были разработаны как для фонологии, так и для морфологии, что оправдывается длительной традицией западных грамматик. Однако синтаксические модели рядовым лингвистом воспринимаются с трудом; к сожалению, Присциан счел удобным лишь бегло

коснуться синтаксиса, посвятив ему только две из восемнадцати книг. Несмотря на нынешний интерес к синтаксису этот компонент языковой структуры все еще считается многими лингвистами неясным.

Другие ученые, представляющие преобладающую концепцию в лингвистической науке последнего времени, повторили процедуры XIX в., относящиеся к фонологии, и разработали четкую систему правил, сгруппированных в иерархические ряды, получившие, в частности, такие обозначения, как «глубинная структура», «трансформационный компонент» и т. д. Разочарование в подобной модели не помешало ее сторонникам предложить еще более сложный ряд компонентов, оправдываемый ничем не подкрепленными психологическими выкладками. Такие разработки могли быть до некоторой степени полезны с точки зрения совершенствования исследовательских процедур. Однако применение их по отношению к хорошо описанным языкам сводилось главным образом к переформулировке известных данных в соответствии с моделями, искусственно изобретенными их создателями. До тех пор пока не будет осуществлено глубокое изучение имеющихся данных, указанный процесс будет способствовать скорее формированию моделей, а не познанию языка. Характерно, что выдающиеся авторитеты в области лингвистики отвергают новомодные модели, предпочитая им традиционные процедуры [33]. Еще более примечательно то, что лингвистический анализ, произведенный на компьютерах, подтверждает эффективность традиционных процедур, разработанных такими лингвистами, как О. Есперсен или Дж. Харрис. С точки зрения современной сравнительной лингвистики подобные тщательно выверенные методы должны быть дополнены результатами, достигнутыми ареальными и типологическими исследованиями, что особенно эффективно при изучении целой языковой семьи типа индоевропейской.

Как индоевропейцы, так и специалисты в области других языковых семей при реконструкции того или иного праязыка должны стремиться к учету данных максимально широкого круга языков, как современных, так и засвидетельствованных лишь в памятниках письменности и ставших доступными благодаря точному и тщательному анализу. Кроме того, как отмечено выше, надежное лингвистическое исследование должно основываться на выводах, полученных в результате изучения либо всей языковой системы, либо же отдельных ее компонентов (например, фонологического). Такой подход требует постоянной проверки правильности получаемых результатов, какими бы примечательными они ни являлись. В области индоевропейской фонологии такие обобщения привели к созданию глоттальной теории, которая стала предметом широкой дискуссии. В области синтаксиса это привело к предположению, согласно которому на раннем этапе своего развития прединдоевропейский являлся языком активной типологии. Несмотря на то, что обе гипотезы выдвинуты относительно недавно, они основываются на подходе, сопоставимом с ситуацией, возникшей в индоевропеистике в прошлом столетии, когда Бругман установил наличие слоговых и неслоговых сонантов, а Зиверс выявил морффонемную вариацию между их вокалическими и консонантными формами. Оба предположения впоследствии были приняты большинством лингвистов; однако не менее важно то, что они проложили путь к более верному представлению о праязыке и его соотношению с диалектами. Можно ожидать сходных результатов и от обсуждаемых ныне гипотез, о чем будет сказано ниже после обсуждения различных взглядов на культуру и первоначальное местопребывание индоевропейцев.

3. Применение результатов лингвистических открытий.

Не следует, по-видимому, особо подчеркивать тот факт, что единственным надежным свидетельством о культуре дописьменного народа является его язык. Любое руководство, посвященное такому народу, содержит сходные утверждения, как и афоризмы типа «камни не говорят». Однако порой и солидные руководства не учитывают этого обстоятельства. Так, например, С. Пигготт в своем весьма популярном пособии, посвященном колесному транспорту [34], нигде не ссылается на важные последствия усвоения колеса индоевропейским обществом, о чем писал Ф. Шпехт еще сорок лет назад [35]. Более того, когда Пигготт все же привлекает языковые данные [34, с. 230, 231], он рассматривает лишь лексические элементы и соответствующие реалии, которые, как хорошо известно, легко изменяются с течением времени.

Лексические данные, несомненно, являются важными. Однако с точки зрения хронологической информации более важными, чем сами слова, могут оказаться формальные модели слов. Так, индоевропейцам уже давно известно, что тематическая флексия появилась в индоевропейском относительно поздно. Атематическое склонение и спряжение более архаичны, чем получившие впоследствии большее распространение *e/o*-основы, а также (в существительных) *a*-основы. Изучая термины, обозначающие колесный транспорт, Шпехт сделал важное наблюдение, что все они обладают тематической флексией. У нас нет никакого способа для установления абсолютных дат, характеризующих подобные инновации в древнем языке, — ничего, что могло бы сравниться даже с радиоуглеродным методом хронологизации, надежность результатов которого, кстати, первоначально значительно переоценивалась. Однако мы все же имеем возможность относительной датировки и можем соотносить предполагаемые временные этапы с данными, которые сами могут быть датированными.

Основой для выводов лингвистического порядка могут стать не только этапы развития флексии. Средством проникновения в культуру прошлого с не меньшим успехом служат конкурирующие лексические единицы, заимствуемые из одного языка в другой. В качестве простого примера приведем факт использования Полибием (ок. 150 г. до н. э.) греческого термина *sunorides* «колесница» < «пара лошадей, запряженных в двуколку» вместо его латинского эквивалента *biga*, засвидетельствованного только у Помпония [34, с. 230]. Это наводит на мысль о том, что кельтская технология колесницы была основана скорее на греческой традиции, чем на римской; такое предположение подкрепляется фактом заимствования в латинский кельтских терминов для обозначения транспорта. Подтверждает это и то, что указанные «заимствования в латинском ... часто двусмысленны, неопределенны и противоречивы» [34, с. 230]. Однако, как свидетельствует неоднозначная интерпретация археологических данных, с подобными проблемами приходится встречаться и археологам. Стремясь получить более ясное представление о доисторических культурах, включая и индоевропейскую, нам неизбежно приходится использовать выводы, добытые специалистами разных областей, с тем чтобы соотнести их результаты между собой. Игнорирование подобных выводов, даже если это объясняется невозможностью уследить за огромным потоком публикаций, весьма нежелательно.

Помимо традиционного использования данных фонологии, морфологии и лексики, в настоящее время наблюдается все более адекватное понимание важности синтаксиса и типологии, благодаря чему и эти области

языкознания могут быть использованы для выработки тех или иных теорий или гипотез. Для краткости я просто сошлюсь на получающее все большее признание мнение, согласно которому праиндоевропейский являлся ОV-языком, причем на раннем этапе своей истории предындоевропейский являлся языком активного, а не аккумулятивного или эргативного строя [4].

Все эти данные, полученные в соответствии с исследовательскими процедурами, отшлифованными на практике в течение почти двух столетий, способствуют определению древней локализации носителей праиндоевропейского языка, равно как и выработке представлений относительно их культуры.

4. Древние локализации носителей праиндоевропейского языка.

Ученые уже давно высказывали предположения относительно древней локализации носителей индоевропейских языков и даже предполагаемого их предка. Для обозначения такой локализации во многих работах используется термин «прародина». В XIX в. предположения о прародине индоевропейцев основывались почти исключительно на лингвистических данных, поскольку в то время археология едва ли отличалась от кладочесательства.

Согласно традиционной процедуре, ученые брали какую-либо лексему, вроде древних обозначений бука или лосося, и идентифицировали с сегодняшними их соответствиями; сходным образом они локализовали и местонахождение соответствующих реалий, опять-таки, не сомневаясь в том, что оно может быть сопоставимо с современным ареалом их распространения. Как хорошо известно, благодаря подобной методике лексема *бук* и родственные ей корни в других индоевропейских языках связывались с деревом «бук». Ареал распространения этого вида дерева не простирается восточнее границы, тянущейся от Балтики до Крыма; «прародина» в соответствии с этим локализовывалась к западу от указанной разграничительной линии, а также в Северной Европе, несмотря на то, что ученым известно о наличии греческого соответствия этому корню — *phāgós* «дуб». Различие в семантике разъяснялось сохранением носителями греческого языка при передвижении их на новое место жительства старого термина, аналогично тому, как английское слово *robin* «красногрудка» было перенесено в Новый Свет для обозначения птицы, совершенно отличной от той, которая обозначается этим словом в Британии.

Сходные выводы делались и в отношении лосося (нем. *Lachs*, англ. диал. *lax*), в XIX в. известного только в Северной Европе. Благодаря подобной аргументации было высказано положение о североευропейской прародине, которое нашло особую поддержку в среде националистических групп, ассоциировавших язык с расовой и национальной принадлежностью. Ряд руководств, особенно старых, а также популярные статьи по-прежнему придерживаются указанных положений, усматривая прародину индоевропейцев в Северной Европе (см., к примеру [36]).

С течением времени археология превратилась в точную дисциплину, что дало возможность получить ценную информацию о ранних культурах; объем такой информации неуклонно возрастает. Так, Диболд в своей фундаментальной монографии прояснил ситуацию относительно распространения лосося в древности [37]. Археологические данные свидетельствуют о том, что в древности Европа служила средоточием большого числа разнообразных культур; примеры см. в кратком обзоре Томаса [38]. Все эти культуры являлись дописьменными. Следовательно, единственным надежным способом идентификации ранних групп носителей индоевропей-

ских языков по-прежнему остается язык. Процедуры, используемые для соотнесения результатов изучения лексического фонда определенных сообществ с археологическими выводами, вытекающими из исследования материальных характеристик отдельных культур, в настоящее время, в отличие от науки XIX в., имеют под собой более прочную почву. Тем не менее, пока мы не в состоянии однозначно установить локализацию прародины индоевропейцев на основе информации, которую можно получить в результате археологических исследований или языковых данных.

Для периода конца V—III тыс. до н. э. были предложены три различные локализации прародины: область к северу от Черного и Каспийского морей, Малая Азия, Карпатский район Балкан. Ниже мы их вкратце обсудим, приведя аргументацию некоторых из сторонников.

4.1.1. Аргументация в пользу прародины в области к северу от Черного и Каспийского морей. Главным сторонником идеи о первоначальном пребывании индоевропейцев в лесостепном регионе от средней Волги до Южного Урала» является М. Гимбутас. В солидной серии публикаций, многие из которых основываются на ее собственных археологических изысканиях, Гимбутас относит пребывание индоевропейцев в данной области к V, а возможно, и к VII тыс. до н. э. Одними из отличительных признаков их культуры являются могильные холмы (курганы), воздвигавшиеся над погребениями героев. Обсуждая культуру праиндоевропейцев, Гимбутас использует именно этот термин, так что лингвистическое обозначение «индоевропейский» эквивалентно у нее археологическому понятию «курганная культура» (обстоятельное обсуждение гипотезы Гимбутас и реакция на нее содержится в работе Д. Энтони [39]; там же см. комментарии других авторов).

Нет никакого сомнения в том, что члены общества, локализованного в указанной области, погребали воинов под холмами. Более того, тексты древних индоевропейских народов сохраняют свидетельства такого вида погребения. Так, например, «Илиада» завершается сценой строительства кургана для захоронения троянского героя Гектора. В заключительных строках «Беовульфа» содержится упоминание о таком же памятнике для героя этой поэмы. Наблюдается, таким образом, непосредственная связь между археологическими свидетельствами подобного вида погребения в указанной области и текстовыми данными, сохранившимися в основных письменных документах индоевропейцев.

Помимо этого, Гимбутас продемонстрировала хронологическую преемственность культуры курганных погребений в указанных ранних областях расселения индоевропейцев с более поздними их поселениями, например, в Северной Европе и Италии [40]. Пребывание индоевропейцев в этих регионах датируется на основе метода калибровки колец деревьев по радиоактивному углю. Поступает все больше археологических свидетельств относительно первоначального местопребывания индоевропейцев. Эти доказательства, позволяющие проникать в глубь истории вплоть до VII тыс. до н. э., в значительной мере поддерживают теорию Гимбутас и ее сторонников [41].

Данная локализация является идеальной с точки зрения возможности усвоения трех важных достижений в области материальной культуры, которые характеризовали ранние индоевропейские племена и обеспечивали им гегемонию в новых расселениях: речь идет прежде всего о лошади, а кроме того, о бронзе, служившей для изготовления прочных орудий войны и труда, и, наконец, о передвижениях с помощью усовершенствованных колесниц.

Согласно данной теории, ранние индоевропейцы являлись земледельцами и содержали большие стада крупного рогатого скота на степных просторах южной России. Их образ жизни скорее всего весьма напоминал образ жизни описанных Геродотом (Кн. 4) более поздних обитателей этой же области — скифов. Независимо от того, когда и как индоевропейцы обрели свое могущество, это должно было произойти там, где они могли познакомиться с недавно одомашненной лошадью. Подобно индейцам прерий американского Среднего Запада в XVII в., эти племена благодаря ставшим доступными им новым средствам передвижения в значительной мере повысили свою мобильность по сравнению с соседними народами; стержнем их культуры стало использование лошади, обеспечившее им доминирующее положение на обширных просторах Европы и Азии. Значение лошади явно просматривается в таких текстах, как, например, Книга Иова (39: 20 и сл.), а также в греческих мифах о кентаврах. Более ранние тексты, в том числе и Книга Бытия (12, 16 и сл.), содержащая информацию об имуществе Авраама, убеждают нас в том, что народы Средиземноморья не обладали лошадью. Исходя из имеющихся в настоящее время данных можно сделать вывод, что лошадь была первоначально одомашнена в степях южной России, в V тыс. до н. э., и отсюда распространилась по остальным регионам.

Предлагаемая локализация прародины хорошо согласуется со вторым важным элементом, обеспечившим последующее могущество индоевропейских народов, — доступность металлов, заменивших старый материал — камень. Факты свидетельствуют о том, что древнейший металл, имевший технологическое и военное значение — бронза — производился на Кавказе, т. е. в области, расположенной к югу от предполагаемой прародины. Получаемый отсюда металл, использовавшийся для изготовления вооружения и орудий труда, включая детали транспортных средств, давал тем, кто ими пользовался, огромные преимущества. История Давида, победившего Голиафа (в первой книге Самуила, 17), которая возвеличивала статус нарождавшейся нации, является ярким свидетельством важности нового материала; будущий вождь нации для того чтобы одолеть героя, терроризировавшего его скудно оснащенную армию, использует примитивную пращу, а затем убивает Голиафа его же собственным мечом. Сходные мотивы, хотя и не столь ярко выраженные, можно обнаружить в гомеровских поэмах, а также в соответствующих археологических материалах. Из наличия в индоевропейском лишь одного обозначения металла, англ. *ore* «руда», следует, что индоевропейские народы довольно поздно получили доступ к этому материалу — какой-то разновидности бронзы, заменившей менее прочную медь. Из текстов видно, что они использовали новый металл весьма эффективно.

Третьим основным компонентом, обеспечившим успех экспансии индоевропейцев, являлось колесо, первоначально изобретенное, по-видимому, в Северной Месопотамии. Приспособленное к повозке, колесо значительно повысило мобильность народов, особенно кочевых. Создание бронзовых орудий и бронзовых частей усовершенствованных повозок привело к существенно большей мобильности в сравнении с предыдущими периодами, что отражено в хеттских текстах и чего нет в сообщениях Авраама.

У нас, конечно, отсутствуют текстовые подтверждения данного «сценария», в частности сведения о способе усвоения таких новшеств, как бронза и колесный транспорт. И все же процесс этот представляется вполне достоверным, если предположить, что скотоводы-кочевники продавали скот представителям более богатых областей, находившихся к югу от их местопребывания; в результате такого обмена они усваивали технологию

ческие достижения.

Описанная выше картина не является прямым отображением взглядов Гимбутас; скорее это обзор того процесса, в результате которого индоевропейцы — носители курганной культуры, получив значительные преимущества благодаря усвоению заимствованной технологии, смогли распространиться из своей предполагаемой прародины.

4.1.2. Критика этой гипотезы. Гипотеза, предложенная Гимбутас, в течение нескольких десятилетий благожелательно воспринимаемая специалистами, в последнее время подвергается достаточно суровой критике. Основные аргументы оппонентов кратко излагаются ниже.

Разработав свою курганную гипотезу, Гимбутас предприняла попытку обрисовать древние европейские культуры до эпохи гегемонии индоевропейцев. Это были, по ее мнению, мирные сообщества, построенные на матрилинеальных принципах и обладавшие высоким уровнем цивилизации. Их религия требовала поклонения Великой Богине, что отражено в их искусстве. Гимбутас называет эту эпоху периодом Древней Европы, а ее обитателей — древними европейцами. Мирные аборигены были, как она полагает, покорены воинственными и обладавшими менее развитой культурой индоевропейцами, которые разрушили существовавшую дотоле более высокую цивилизацию, с тем чтобы в последующем создать Новую Европейскую цивилизацию, ставшую с тех пор доминирующей.

Недавние археологические раскопки в Советском Союзе и в Восточной Европе дают веские подтверждения в пользу данных предположений. Эти исследования, как отмечено выше, демонстрируют факт доместикации лошади именно в той географической области, которую Гимбутас предлагает считать прародиной индоевропейцев. О важности роли лошади в индоевропейском обществе, как с точки зрения религиозно-ритуальных, так и практических целей, известно уже давно. Помимо этого, имеются свидетельства в пользу распространения курганной культуры в Восточной Европе и за ее пределами. Представление о древних индоевропейцах как о динамично распространявшихся племенах, первоначальное местопребывание которых находилось в регионе между Средней Волгой и Уралом, кажется поэтому в высшей степени привлекательным.

Критически оценивая доказательства, приводимые в пользу этой гипотезы, некоторые ученые выдвигают иные точки зрения относительно затрагиваемых в ней проблем. В частности, выдвигается возражение относительно почти случайного характера усвоения средств, которые обеспечили успешную экспансию. Еще одна проблема состоит в явно невысоком уровне художественной культуры, локализовавшейся в предполагаемом месте прародины; сохранившиеся следы материальной культуры, в частности, керамика, довольно грубы и невыразительны. Поэтому появление группы племен, сумевшей обрести могущество несмотря на низкий уровень развития материальной культуры, представляется весьма примечательным. Можно тем не менее представить себе возможный «сценарий» подобного развития, если вспомнить неожиданное обретение доминирующего положения индейцами команче и сиу после того, как они стали пользоваться лошадью, хотя какие-либо конкретные свидетельства в пользу наличия такого же процесса у народов — носителей курганной культуры у нас отсутствуют. Сходные возражения можно, конечно, выдвинуть и в отношении двух других конкурирующих гипотез. Однако стало обычаем подвергать наибольшей критике самые привлекательные гипотезы.

Рассматриваемой гипотезе, возможно, несколько повредила и такая совершенно несущественная причина, как слишком идиллическое изображение М. Гимбутас образа жизни древних европейцев, которые, согласно ее гипотезе, вели беззаботное существование в течение столетий вплоть до вторжения народов — носителей курганной культуры. В издании 1974 г. под названием «Боги и богини Древней Европы» автор дает описание сложившейся в этом регионе цивилизации, уровень развития которой вряд ли может быть сравним с чем-либо, появившимся в более поздние эпохи, особенно в отношении изящества форм художественной и культурной жизни. Это великолепие отражено в греческих легендах о жизни на Крите, где прекрасные девушки занимались танцами, а красивые юноши перепрыгивали через быков и принимали участие в праздничных процессиях, посвященных обильным урожаям винограда. Такая роскошная жизнь на Крите способствовала появлению у древних европейцев апатии, которая делала их беззащитными перед стремительным нашествием энергичных воинов с востока. Успех книги был настолько велик, что она была переиздана на этот раз под более подходящим названием «Богини и боги Древней Европы». Сказочная идиллия жизни древних европейцев, наличие у них даже зачатков письменности — все это представляется некоторым преувеличением. Это, однако, не имеет никакого отношения к проблеме появления индоевропейцев, точно так же, как идеалистическое изображение Дж. Ф. Купером благородного Чингачтука не имеет никакого отношения к фактам, касающимся господства европейцев над могиканами и другими индейскими племенами в Америке.

Более существенные разногласия может вызывать поддерживаемая Гимбутас идея о распространении носителей индоевропейского языка в результате нескольких последовательных волн нашествий, а не путем постепенной диффузии их культур и языков. Подобные представления о переселениях народов были очень популярны в XIX в., что находило подтверждение главным образом в обширных экспансиях германских племен, имевших место начиная с I в. до н. э. Подобным же образом, согласно указанной модели, продвигались и последовательные волны греческих племен, заселявшие новые земли. Однако подобная точка зрения вызвала все больше возражений, поскольку от тех эпох до нашего времени дошло слишком мало археологических свидетельств. В настоящее время имеется тенденция объяснять последовательное выдвижение на передний план различных греческих племен скорее социальными и экономическими причинами, которые сейчас трудно определить. К примеру, прежние представления о так называемом нашествии дорийцев (около 1200 г. до н. э.) сейчас уступают место идее о выходе на сцену племен, стоявших на более низком уровне развития, но уже давно обитавших в данной области. Сходным образом представления археологов о массовых миграциях стали уступать место мнению о распространении культуры, особенно в ранние периоды. Дьяконов уподобляет распространение языков «эстафетной палочке при смене гоночных лошадей» [21, с. 67]. В подтверждение своей мысли он указывает на исследования генов определенных групп населения. Ср. также теоретические положения Томаса [42].

В подтверждение своей позиции Гимбутас приводит археологические свидетельства [43, 41], которые одни ученые поддерживают, а другие, напротив, оспаривают. Более того, она продолжает упорно отстаивать тезис о происхождении индоевропейцев из «лесостепного региона средней Волги — Южного Урала». Кстати, даже позиция Дьяконова допускает

возможность определенной инфильтрации мигрирующих племен — носителей нового языка. Во всяком случае пересмотр взглядов относительно причин выдвижения на передний план новых групп греческих племен находится в соответствии с гипотезой, согласно которой народы с менее развитой материальной культурой смогли занять в понтийском регионе доминирующее положение благодаря изменившимся социальным и культурным условиям.

Исходя из этого, можно предположить, что ранние носители индоевропейского языка первоначально могли быть локализованы в степных регионах, где в связи с улучшившимися условиями жизни они численно увеличивались, а затем распространили свое влияние и язык на понтийскую область; благодаря своему контролю над лошадью, бронзой и колесным транспортом они получили гегемонию над обширными регионами.

4.2.1. Малая Азия как прародина индоевропейцев: свидетельства в пользу гипотезы. Тогда как Гимбутас в основном опирается на археологические данные, Гамкрелидзе и Иванов основывают свою гипотезу прародины индоевропейцев в Малой Азии главным образом на свидетельствах языка. Во второй части своей работы они подробно анализируют общиндоевропейский словарь, причем исследование лексем дает им возможность делать выводы относительно предполагаемой топографии древней прародины. Учитывая наличие в общем словаре многих слов для обозначения холма и горы, а также для деревьев, растущих в горных районах, они приходят к предположению, что прародина индоевропейцев располагалась в гористой местности.

Помимо этого, они выделяют слова, анализ которых дает возможность отвергнуть две другие локализации прародины индоевропейцев. Среди этих слов весьма примечательны лексемы q^he/op^h — «обезьяна» и yeb^h — «слон».

Выводы Гамкрелидзе и Иванова в большей мере основываются также на изучении заимствований — с одной стороны, из прасемитского и, с другой, в пракартвельский. Они заключают, что изоморфизм индоевропейского и пракартвельского, особенно в области смычных, свидетельствует о длительном периоде соседства двух указанных групп. Кроме того, они выявляют заимствования из хаттского и хурритского. По важности эти данные они ставят в один ряд с наличием колесного транспорта и бронзы, что в совокупности явно указывает на локализацию прародины индоевропейцев к югу от Закавказья, в области Верхней Месопотамии. Признавая, что ни одна культура, засвидетельствованная археологами в этом районе, не может быть идентифицирована с индоевропейцами, они высказывают предположение, что с ними может быть связана халафская культура Северной Месопотамии.

Значительный интерес, по их мнению, представляют сходные черты между культурами Халафа и Чатал-Гююка, являющегося одним из древнейших очагов высокой земледельческой цивилизации в Малой Азии. Как полагают, наблюдается также определенное культурное сходство халафской культуры с южнокавказской культурой IV—V тыс. до н. э., экономика которой характеризовалась развитием пастушеско-земледельческого хозяйства и важной ролью крупного рогатого скота, но с преобладанием земледелия. С этой последней культурой они связывают Куро-араксскую культуру III тыс. до н. э., охватывавшую области восточной Анатолии, Южного Кавказа и Иранского плато. Численно растущее население, создавшее указанные центры культуры, идентифицируется авторами с индоевропейцами; характеризующие индоевропейскую культуру курганные погребения и другие черты представляют собой свидетельства

экспансии индоевропейцев на их пути к местам, в которых они известны во II тыс. до н. э.

4.2.2. Проблемы, возникающие в связи с этой гипотезой. Одну из основных трудностей с точки зрения обоснования своего мнения о предполагаемой локализации прародины индоевропейцев авторы усматривают в отсутствии системы письменности. Хетты восприняли свою письменность от аккадцев, греки — от финикийцев, с последующей передачей ее — уже в гораздо более позднее время — армянам, албанцам, итальянцам, кельтам, германцам, славянам и носителям балтийских языков. Если предполагаемой прародиной являлась Верхняя Месопотамия, то индоевропейцам должны были быть известны значимые объекты определенной формы, использовавшиеся в торговле с IX тыс. (tokens, по терминологии Шмандт-Бессерата), а также, несколько позже, символическая система шумеров и семитов. Гамкрелидзе и Иванов предположительно допускают, что развитая индоевропейская цивилизация все же обладала письменностью, известной впоследствии в виде лувийской иероглифики. В качестве подтверждения этой идеи они приводят аргументы, свидетельствующие, что некоторые хеттские тексты, по-видимому, представляют собой копии текстов, написанных посредством этой более ранней системы письменности. Однако довольно трудно поверить в то, что остались бы столь скудные свидетельства использования письменности, если бы индоевропейцы действительно жили в Верхней Месопотамии. Локализация в степях южной России или на Карпатах кажется более подходящей для объяснения факта отсутствия у этих народов письменности.

Кроме того, вызывает удивление и знакомство индоевропейцев с обезьяной и слоном. Термины для обозначения этих животных в индоевропейских диалектах слишком неоднозначны, чтобы проецировать их на праязыковую уровень. Специалист по Ближнему Востоку И. М. Дьяконов утверждает, что в тот период в Малой Азии обезьяны отсутствовали; он, кроме того, отвергает многие из тех терминов, которые использовали Гамкрелидзе и Иванов для доказательства идеи соседства индоевропейцев с носителями других языков [21, с. 28—53]. Эти вопросы могут быть разрешены в результате дальнейших археологических изысканий, однако те данные, которые имеются у нас сейчас, говорят в пользу позиции Дьяконова.

Вероятно, наиболее сильными аргументами в подтверждение гипотезы Гамкрелидзе и Иванова является сравнительно большое число заимствований. Если факт их наличия будет признан, то это может свидетельствовать о культурном превосходстве на тот период времени носителей прасемитского языка, что подтверждается и данными археологии. С другой стороны, мы знаем, что для заимствования необязательно соседство того или иного народа, особенно если это касается коммерческих и технических терминов. Так, японский язык, носители которого находятся в значительном удалении от стран с англоязычным населением, в течение нынешнего столетия усвоил множество английских терминов. Сходным же образом индоевропейские купцы могли усвоить термины для обозначения коровы, быка, ячменя, меда, топора и т. п. в ходе торговых операций. Этим же обстоятельством может быть обязано наличие в индоевропейском случайных хурритских или иных терминов, проникших в него в результате торговых экспедиций. Однако Дьяконов подвергает сомнению заимствованный характер лексем, обычно считаемых таковыми.

Дьяконов указывает также на то, что восточная Анатолия вряд ли могла являться тем местом, где происходил интенсивный рост населения, что особенно относится к такому важному периоду, как V тыс. до н. э. Помимо

неблагоприятной топографии, он отмечает также отсутствие каких-либо лингвистических фактов в пользу гипотезы о некоем языковом субстрате. Хотя Дьяконов опубликовал свои критические статьи до появления книги Гамкрелидзе и Иванова, изложенные в этой книге данные не сняли высказанных им возражений. Как с точки зрения лингвистики, так и археологии эта гипотеза, таким образом, не получила пока окончательного подтверждения.

4.2.3. Юг Центрального плато. В качестве варианта гипотезы о малоазийской прародине Ренфрю высказал предположение, что она располагалась на юге Центрального плато. В этой области культура Чатал-Гююка создала уже в начале VII тыс. развитое земледельческое хозяйство. Считается общепризнанным, что переход от собирательского к производящему хозяйству в Европе был обусловлен диффузией из Ближнего Востока. Новым в гипотезе Ренфрю является то, что он приписывает эту диффузию индоевропейцам.

Однако технология может передаваться и без распространения ее каким-либо отдельным народом. Довольно странно, что Ренфрю, с одной стороны, решительно выступая против идеи массовых передвижений народов, выдвигаемой в качестве объяснения проникновения индоевропейцев в Европу, с другой стороны, увязывает осуществление значительного технологического прорыва с одним-единственным народом — индоевропейцами.

Позиция Ренфрю также подверглась резкой критике, особенно со стороны Гимбутас, на том основании, что он не учитывает исходные характеристики индоевропейской культуры и ее отличия от цивилизации, открытой в Чатал-Гююке.

Противоречия между этими двумя взглядами коренятся в неоднозначной интерпретации источников. Ренфрю прямо заявляет, что «слишком много доверия придавалось идее использования части реконструируемого индоевропейского словаря для идентификации прародины индоевропейцев». Он также критикует ученых, чрезмерно переоценивающих характеристики материальной культуры, которую они затем ассоциируют с носителями какого-либо отдельного языка. Его собственная гипотеза, как он полагает, разрешает эти проблемы.

Отдавая дань Ренфрю, поднимающему столь важные вопросы, мы в то же время вынуждены еще раз подчеркнуть, что при изучении доисторического народа единственным надежным способом идентификации является реконструированный язык, или, как утверждает сам Ренфрю, «нет никакой возможности заставить „звучать немые камни“, если на них не нанесена какая-либо письменная информация» [5, с. 22]. Прочитав работу Томаса [42], нельзя не задаться вопросом: могут ли вообще камни дать что-либо большее, чем стимулировать разработанные в тиши научных кабинетов гипотезы?

Анализ словаря дает возможность понять те или иные аспекты культуры (несмотря на сомнения Ренфрю). На основе наличия в словаре лексемы, обозначающей «лошадь», и отсутствия в нем слова для «гиппопотам» можно сделать выводы об условиях жизни того или иного народа. Можно высказать весьма важные суждения, обнаружив в каком-либо индоевропейском языке лексему типа «гиппопотам», поскольку в исконном словаре ранних индоевропейских языков не засвидетельствованы сложные слова типа «лошадь-речная» (в отличие от «речная лошадь») для обозначения какой-либо породы лошадей. И все же мы согласны с тем, что выводы, притекающие из наличия или отсутствия в словаре той или иной лексе-

мы, необходимо использовать с известной осторожностью. Как отметил И. М. Дьяконов [21], в языке могут содержаться слова, обозначающие такие реалии, которые не встречаются в области проживания его носителей, что иллюстрируется примером из аккадского языка, в котором есть слово со значением «снег». На самом деле на своей родине греки не встречались с гиппопотамом, когда в их язык было введено это слово. Индоевропейцы, наученные опытом неудачного использования лексических единиц для построения научных гипотез, больше не делают попыток прямой увязки специфических реконструированных слов (типа «пчела», «лосось» или «бук») с тем или иным конкретным регионом. Имеется в настоящее время и понимание того, что реконструкция какого-либо технического термина не служит сама по себе подтверждением наличия обозначаемой им реалии в хозяйстве соответствующего периода в прошлом. Как показывает пример с названием «гиппопотам», необходим более тщательный анализ привлекаемых лексических единиц.

Реконструированная терминология, относящаяся ко многим сферам социальной жизни, свидетельствует об определенном культурном уровне предков известных нам групп индоевропейцев, что видно, например, из словаря Бака [44]. Когда определенная культурная реалия вроде повозки или колесницы отражается в родственных словах группы или семьи языков, довольно трудно отрицать ее наличие и в более отдаленном прошлом носителей этих языков. По-видимому, имеются все основания полагать, что индоевропейское общество в период, предшествовавший разделению диалектов, находилось на уровне неолитической цивилизации. Такой вывод, тем не менее, нисколько не противоречит мнению об усвоении индоевропейцами сельскохозяйственных достижений, первоначально принадлежавших культуре региона Чатал-Гююка и других областей Ближнего Востока; легкое усвоение инноваций отражает характерную черту индоевропейских народов воспринимать прогрессивные достижения культуры и технологии других народов.

Однако такие существенные элементы индоевропейской культуры, как отсутствие женских божеств, является весьма сложным препятствием для любой гипотезы, предполагающей ближневосточную локализацию их прародины, поскольку для культур этого региона характерно поклонение одной или несколькими могущественным богиням. Короче говоря, гипотеза Ренфрю встречается со многими трудностями.

Среди подобных трудностей и проблема, связанная с передвижениями различных групп индоевропейцев [5, с. 75]. На этом вопросе подробно останавливается Мэллори; его объяснения более приемлемы, хотя в то же время выдвигаются новые гипотезы, не получающие подтверждения ввиду недостатка фактических данных [4]. Можно надеяться, что эти данные будут получены в результате археологических исследований, которые, к счастью, постоянно продолжаются. Книга Мэллори особенно интересна, поскольку в ней сообщается о новейших археологических раскопках, в том числе и советских археологов. Особенно следует отметить гл. 7 и 8 его книги (с. 186—221): в дополнение к описанию археологической работы, ведущейся в Советском Союзе, он останавливается на выводах Гимбутас. Хотя ряд ученых, в частности Ренфрю, не вполне согласен с этими выводами, Мэллори в основном, хотя и не сразу, принимает ее позицию, концентрируя свое внимание на периоде, непосредственно предшествующем широкому распространению индоевропейцев, когда они, по его мнению, заселили все пространство от Карпат до Урала. Принимает он и позицию Дьяконова, точка зрения которого ниже будет кратко рассмотрена.

4.3. Балканы как прародина индоевропейцев. Главным сторонником балканской прародины индоевропейцев является известный исследователь афразийских языков И. Дьяконов. Его точка зрения по данному вопросу стала широко известной западному читателю благодаря публикации переводов принадлежащих его перу трех важных очерков [21]. Автор демонстрирует превосходное владение лингвистическим материалом и глубокую эрудицию в области древних культур.

Взгляды Дьяконова в существенной степени основываются на изучении данных, касающихся быстрого распространения некоторых групп индоевропейцев. Приводя точные цифры (например, 622 мили, необходимые грекам для того, чтобы добраться до Эгейского региона, 807 миль, которые потребовались кельтам для того, чтобы достичь Богемии, а германцам — Дании), он постулирует определенный центральный ареал распространения указанных индоевропейских племен. Указываемая Дьяконовым прародина индоевропейцев не вызывает возражений с точки зрения распространения различных групп индоевропейцев, кроме двух — индоиранской и тохарской, появление которых в областях их позднейшего расселения, как справедливо полагает Дьяконов, происходило несколькими тысячелетиями позже. Это обстоятельство, естественно, не является решающим аргументом против его гипотезы.

Центральным в гипотезе Дьяконова, как было отмечено, является отсутствие в ней «переселения народов», вроде той миграции, которую осуществили германские племена примерно в начале нынешней эры [21, с. 65]. Подобное переселение, как еще ранее подчеркивал Дьяконов, не могло бы быть возможным в период с V до III тыс., когда происходило распространение индоевропейцев; напротив, процесс распространения протекал постепенно «из единого центра по всем направлениям» [21, с. 65]. Приведя цифры, характеризующие расстояние от возможного центра до последующих мест расселения, Дьяконов локализует этот центр близ Железных Ворот Дуная [21, с. 55—56]. В качестве теоретического построения данная аргументация является безупречной, если иметь в виду ее предпосылки.

Отмечая великолепное владение Дьяконовым лингвистическим и археологическим материалом, посредством которого он поверяет другие гипотезы, например, гипотезу Гамкрелидзе и Иванова, нельзя тем не менее не сказать, что его выводы вызывают определенные сомнения. Выбор Балкан в качестве прародины действительно снимает проблему, связанную с незнакомством индоевропейцев с письменностью, даже на начальных этапах ее развития. Но как в таком случае объяснить овладение ими тремя важными источниками их могущества? Факты свидетельствуют, что лошадь первоначально была одомашнена в степных районах, и примерно в это же время начинает заявлять о себе мощь этих племен. Согласно гипотезе Дьяконова, индоевропейское население в балканском ареале должно было овладеть новым способом передвижения. Но если мы считаем, что метод изготовления бронзы был открыт на Кавказе, а колесо изобретено в Месопотамии, то овладение всеми этими тремя реалиями наиболее вероятно для какой-либо центральной группы племен, проживавшей в центральной области. Эта область явно локализуется к северу от Черного и Каспийского морей. А центральной группой народов явились индоевропейцы.

Излагая вкратце этот «сценарий», можно отметить, что контакт с изобретателями бронзы не представлял никакого труда. А знакомство с колесом со спицами, как и технология его производства могли явиться ре-

зультатом проникновения в южные регионы с целью грабежа либо торговли. На север могли проникать купцы из Месопотамии, как позднее они проникали в Малую Азию к хеттам. Отличной иллюстрацией ранних контактов с северными народами является цитируемая Хаммерихом аккадская легенда о смерти чудовища, вызванной тем, что в кусок мяса, который оно проглотило, были вставлены гибкие кости. Когда мясо переварилось, кости выпрямились и пронзили стенки желудка этого чудовища, убив его. Процедура, описанная в данной легенде, была изобретена северными племенами и использовалась, в частности, эскимосами. Месопотамские сказители переработали эту легенду; подобно этому Дж. Свифт адаптировал рассказы современных ему путешественников в своем «Гулливере», а нынешние писатели-фантасты используют сведения о космических путешествиях. Контакты, какой бы ни была их мотивировка, действительно имели место и в отдаленном прошлом. Для пользования колесом не нужно особых инструкций. Став обладателями трех указанных культурных приобретений, индоевропейцы начали свое стремительное продвижение, первоначально, по-видимому, через карпатскую область к Уралу, как это и описал Мэллори.

4.4. Прародина в IV тысячелетии. Предположение о прародине, в IV тыс. охватывающей территорию от Карпат до области, лежащей к северу от Каспийского моря, подтверждается археологическими данными, приводимыми Гимбутас. Такое предположение представляется предпочтительней мнения Дьяконова в том отношении, что оно лучше объясняет продвижение на восток носителей индоиранского языка. Кроме того, оно не отрицает тезис о распространении земледелия из Анатолии, хотя и не приписывает начало этого процесса индоевропейским народам. Наконец, оно позволяет объяснить наличие заимствований из семитского, которым придают такое большое значение Гамкрелидзе и Иванов. Предполагаемые дальнейшие контакты с картвелоязычным населением (с учетом более осторожной их интерпретации Дьяконовым) также можно легко объяснить при признании прародины на указанной территории с V до III тыс. до н. э.

Неясной при этом остается ситуация с предками индоевропейцев в V тыс. Для ее прояснения мы возлагаем надежды на будущие археологические находки. Как известно из истории некоторых потомков древних носителей индоевропейского языка, например, римлян, социальные и политические преобразования, которые выходят на поверхность, могут быть результатом деятельности предков, едва различных среди их более могущественных соседей. В начале I тыс. до н. э., к примеру, было бы весьма нелегко идентифицировать предков будущих римлян. Попытки связать предполагаемых прародителей индоевропейцев с каким-либо археологическим ареалом могут быть довольно заманчивы; однако на сегодняшний день они опираются скорее на воображение, чем на факты. В качестве ближайшей задачи мы бы считали переоценку имеющихся языковых данных с целью сделать их более информативными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. I—II. Тбилиси, 1984.
2. Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. 2-te Aufl. Strassburg, 1897—1916.
3. Hirt H. Indogermanische Grammatik, Bd III: Das Nomen. Heidelberg, 1927.

4. Mallory J. P. In search of the Indo-Europeans. Language, archeology, and myth. L., 1989.
5. Renfrew C. Archeology and language. The puzzle of Indo-European origins. L., 1987.
6. Meillet A. Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes. P., 1931 (repr. by University of Alabama Press, 1964).
7. Grimm J. Geschichte der deutschen Sprache. 3-te Aufl. Leipzig, 1868.
8. Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Bd 1—4 / Hrsg. von Hoops J. Strassburg, 1911—1919.
9. Schrader O. Sprachvergleichung und Urgeschichte. 3-te Aufl. Jena, 1906—1907.
10. Schrader O. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Bd 1—2 / Hrsg. von Nehring A. B., 1917—1929.
11. Indo-European and Indo-Europeans / Ed. by Cardona G., Hoenigswald H. M., and Senn A. Philadelphia, 1970.
12. Studien zum indogermanischen Wortschatz / Hrsg. von Meid W. Innsbruck, 1987.
13. Nichols J. Head-marking and dependent-marking grammars // Language. 1986. № 62.
14. Каимов Г. А. Типология языков активного строя. М., 1977.
15. Каимов Г. А. Принципы контентивной типологии. М., 1983.
16. A reader in nineteenth-century historical Indo-European linguistics / Ed. by Lehmann W. P. Bloomington, 1967.
17. Bass G. F. Oldest known shipwreck reveals Bronze Age splendors // National Geographic. 1987. December.
18. Sandfeld K. Linguistique balkanique. P., 1930.
19. Emeneau M. B. India as a linguistic area // Language. 1956. V. 32.
20. Benveniste E. Problems in general linguistics / Transl. by Meek M. E. University of Miami Press, 1971.
21. Diakonoff I. M. On the original home of the speakers of Indo-European / Transl. by Kipnis O. and ed. by Polomé E. // Soviet anthropology and archeology. 1984. V. 23. № 2.
22. Meillet A. The comparative method in historical linguistics / Transl. by Ford G. B. Jr. P., 1967.
23. Hoenigswald H. M. Language change and linguistic reconstruction. Chicago. 1980.
24. Schmidt K. H. Zur Typologie des Vorindogermanischen // Linguistic reconstruction and Indo-European syntax / Ed. by Ramat P. et al. Amsterdam, 1980.
25. Diakonoff I. M. // Annual of Armenian linguistics. 1988. V. 9. Rec.: Renfrew C. Archeology and language. L., 1987.
26. Scharfe H. The Vedic word for «king» // JAOS. 1985. № 105.
27. Rowlett R. Archeological evidence for early Indo-European chieftains // JIES. 1984. V. 12.
28. Kuhn A. Über die durch Nasale erweiterten Verbalstämme // KZ. 1853. Bd 2.
29. Schmitt R. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967.
30. Watkins C. Linguistic and archeological light on some Homeric formulas // Proto-Indo-European: The archeology of a linguistic problem / Ed. by Skomal S. N. and Polomé E. C. Washington, 1987.
31. Dressler W. Über die Rekonstruktion der indogermanischen Syntax // KZ. 1971. Bd 85.
32. Palmaitis M. Indo-European vowel gradation and the development of declensional models in the aspect of diachronic typology. Tbilisi, 1979.
33. Mitchell B. Old English syntax. I—II. Oxford, 1985.
34. Piggott S. The earliest wheeled transport. From the Atlantic Coast to the Caspian Sea. L., 1983.
35. Specht F. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944 (2-te Aufl.—1947).
36. Thieme P. The Indo-European language // Scientific American. 1958. October.
37. Diebold A. R., Jr. The evolution of Indo-European nomenclature for salmonid fish: The case of «Hucho» (HUCHO SPP.). Washington, 1985.
38. Thomas H. L. Archeological evidence for the migrations of the Indo-Europeans // The Indo-Europeans in the fourth and third millenia / Ed. by Polomé E. C. Ann Arbor, 1982.
39. Anthony D. W. The «Kurgan» culture; a reconstruction // Current anthropology. 1986. V. 17.
40. Gimbutas M. Proto-Indo-European culture: The Kurgan culture during the fifth, fourth, and third millenia BC // Indo-European and Indo-Europeans / Ed. by Cardona G., Hoenigswald M. and Senn A. Philadelphia, 1970. P. 192.
41. The transformation of European and Anatolian culture 4500—2500 B.C. and its legacy / Ed. by Gimbutas M. // JIES. 1980—1981. V. 8. № 1—2; V. 9. № 1—2.

42. *Thomas H. L.* The Indo-Europeans: Some historical and theoretical considerations // *Proto-Indo-Europeans: The archeology of a linguistic problem. Studies in honor of Marija Gimbutas* / Ed. by Skomal S. N., Polomé E. C. N. Y., 1987.
43. *Gimbutas M.* The first wave of Eurasian steppe pastoralists into copper age Europe // *JIES*. 1977. V. 5.
44. *Buck C. D.* A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. Chicago, 1949.

(Ожидание следует)

Перевел с английского Чиряба В. А.